

УДК 821.161.1

DOI: 10.48164/2713-301X_2024_15_13

Е.В. Абрамовских

Самара

Самарский государственный социально-педагогический университет

abramovskih@pbgsga.ru

СПЕЦИФИКА НАРРАТИВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЗДНЕГО Л.Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ УЛЬЯ С ЛУБОЧНОЙ КРЫШКОЙ»)

Нарративная организация рассказа-притчи «Две различные истории улья с лубочной крышкой», написанного Л.Н. Толстым в 1900 г., содержит целый ряд художественных открытий. Исследование, предпринятое автором данной статьи, обнаруживает, что писатель обращался к таким приемам, как использование «ненадёжной» наррации и «ненадёжной» фокализации; изменение притчевой конструкции, в которой императивная картина мира сменяется прецедентной; вариативность/множественность точек зрения на изображенные события; различные нарративные стратегии для каждой из представленных версий; попытки разрушить монологическое повествование. Подобные приёмы направлены на смещение акцентов в сторону воспринимającego сознания с целью повышения со-творческого участия реципиента.

Ключевые слова: нарратив, ненадёжная наррация, референтные события, коммуникативное событие, точка зрения, притча.

Текст рассказа Л.Н. Толстого «Две различные истории улья с лубочной крышкой» (1900) относится к числу незаслуженно обойденных вниманием исследователей. Рассказ не печатался при жизни Л.Н. Толстого без купюр. Первая публикация была осуществлена в издании «Посмертные художественные произведения» (Берлин: Свободное слово, 1912). В том же году в Москве В.Г. Чертков предпринял издание «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого», но уже с цензурными купюрами, которые сохранялись до «Полного собрания художественных произведений Толстого», изданных Ленинградским отделением Государственного издательства (1928–1958). В последнем текст рассказа публиковался в разделе «Неопубликованное, неотделанное и неоконченное»¹.

Б.М. Эйхенбаум в комментариях к «Полному собранию сочинений» указывал, что Толстой писал «Историю улья» на обороте листа с текстом статьи «Рабство нашего времени»². Поскольку известно, что над «Рабством нашего времени» писатель работал в 1900 г., автограф с окончанием «Истории улья» датируется тем же годом.

Существует фундаментальная исследовательская традиция, опирающаяся на изучение религиозных, философских, нравственных исканий Л.Н. Толстого, отразившихся в художественных и публицистических произведениях позднего периода. Это работы Э.Г. Бабаева, Б.И. Бурсова, Г.Я. Галаган, Н.Н. Гусева, Э.Е. Зайденшнур, Г.Н. Ищука, Е.Н. Купреяновой, Е.А. Маймина, Е.В. Николаевой, Н.Д. Опульской, М.Б. Храпченко, М. Эйхенбаума и др.

¹ Толстой Л.Н. Две различные истории улья с лубочной крышкой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1952. Т. 34. С. 321-324.

² Эйхенбаум Б.М. Комментарии. «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой». История писания и печатания // Там же. С. 591-592.

В рамках данной статьи историко-литературный, биографический контексты не включены в исследовательское поле.

Текст рассказа является уникальным, поскольку значимая для творчества позднего Толстого проблематика (исследование вопросов государственного устройства, развития общества, природы человека) нашла воплощение в оригинальной формальной организации (жанр притчи, множественность версий происходящих событий). Жанру притчи в творчестве позднего Толстого посвящены работы Е.В. Николаевой [1], В.А. Лещевой [2]. Е.В. Николаева рассматривает притчу как способ выражения авторского мировоззрения. В работе В.А. Лещевой устанавливаются источники притч, выстраивается типология, изучается притчевое начало в произведениях других жанров и публицистике писателя. В статье раскрывается специфика нарративной организации «Двух различных историй улья с лубочной крышкой» Л.Н. Толстого, показаны авторские тенденции к обновлению жанровых возможностей притчи. Предпринятое исследование позволит иначе посмотреть на идею монологического типа письма в контексте творчества позднего Толстого, ставшего первооткрывателем ряда художественных исканий литературы неклассической парадигмы художественности.

В определении нарратива мы опираемся на концепцию В.И. Тюпы, рассматривая нарратив как «двойко-событийный повествовательный дискурс» [1, с. 59], и на идеи М.М. Бахтина, для которого «произведение в его событийной полноте» – «целостное и нераздельное» единство «события, о котором рассказано в произведении» и «события самого рассказывания» [2, с. 500]. По определению В.И. Тюпы [3], категория нарративной стратегии представляет собой регулятивный принцип этого объединения двух событий – референтного (рассказываемого) и коммуникативного («события самого рассказывания»).

Событие, о котором рассказывается в этом произведении – жизнь пчелиного улья: цикл от пробуждения до засыпания. Событие самого рассказывания представлено двумя версиями истории улья, написанными от лица трутня Прупру и от лица рабочей пчелы. Они выстроены по принципу контраста сатирического и «идиллического» модуса художественности: «осмысленная жизнь» величественных трутней, решающих важные вопросы жизни рабочих пчел, и трудовые будни тех самых рабочих пчёл, организующих жизнь в улье. В первой версии реализуется принцип «ненадежной наррации», во второй – происходит разрушение выбранной нарративной стратегии.

В современной научной парадигме существует множество подходов к изучению «ненадежной наррации» [4; 5], типологии «ненадежного нарратора» [6]. В рамках статьи остановимся на стратегиях «ненадежности», актуальных для рассматриваемого текста.

Ненадежная наррация в тексте рассказа Л.Н. Толстого реализуется в условиях повествования, при которых «имплицитный автор устраняется от прямого говорения и вынесения оценок» [5]; в тексте используется ненадежная фокализация, т. е. «повествование уподобляется оптическому прибору, который настраивается на точку зрения того или иного персонажа, и это... не связано с тем, от чьего имени оно ведется» [8, с. 222]; наблюдается несоответствие между сообщаемыми нарратором сведениями и развитием событий (Ш. Риммон-Кенан) [9]; используются языковые индикаторы экспрессивности и необъективности (А. Ньюнинг) [10].

Проследим реализацию обозначенных стратегий ненадежной наррации в тексте.

В первой версии имплицитный автор устраняется от прямого говорения и вынесения оценок, прячась за вторичными нарраторами. В этом фрагменте текста представлены материалы и источники (их всего семь), на кото-

рые опирается трутень-историограф Прупру. Подчеркивается основательность и научность подхода по систематизации всех сведений о жизни трутней. При этом перечисление многочисленных источников (записки, переписка, предания) направляет читателя по ложному пути – читатель должен поверить в достоверность рассказываемой истории и самостоятельно реконструировать отсутствующий текст. Через заглавия и жанровые обозначения можно выстроить микромодель устройства жизни трутней: культурная жизнь («Устные предания, песни и романсы трутней»); частная жизнь («Описания путешествий жуков, мошек и трутней чужих ульев»); государственная жизнь («Уголовные и гражданские дела между трутнями и пчелами», «Переписка его высочества трутня Дебе-старшего с его светлостью Куку-младшим», «Гоф-фурьерский журнал»).

Первичный нарратор излагает версию жизни улья трутня Прупру с использованием несобственно-прямой речи и различных форм косвенной речи. При этом в кругозор рассказчика включаются другие чужие голоса, например –выписка из дневника «одного из главных деятелей». Наблюдается взаимопроникновение голоса нарратора и голосов персонажей. Описание жизни трутней отличается приподнятым, возвышенным стилем, передающим торжественность и важность всего происходящего: «главное отличие и преимущество улья с лубочной крышкой были в том, что он первый успел произвести на свет трутней, составивших его славу и внутренним управлением, и внешними сношениями»¹. Вместе с тем смешение штампов официально-делового стиля, антропоморфных сравнений, просторечий создает комический эффект: «Во 2-м часу дня, в то время, как рабочая пчела, как вьючная лошадь, продолжала свою безостановочную, обычную, низменную работу, таская мед и пергу для детей,

в первый раз вылетели трутни. Те, которые видели этот выход, единогласно утверждают, что мир никогда не видел зрелища великолепнее этого. Большие, черные, мохнатые, гладкие трутни, один великолепнее другого, появлялись из летка и, вместо того чтобы, как простая пчела, тотчас же лететь через забор в лес и луга за кормом, тотчас же тут же взвивались кверху, заворачивали кругом и, как орлы, носились над ульями»².

По контрасту с этим фрагментом выстраивается подобное событие из второй версии истории улья – в записках пчелы: «Расходились нынче наши господа. Трубили и кружились без толку над ульями часа 4 и много мешали народу работать. Часа в 4 только убралась. Измучились все, ничего не делая, и тотчас же принялись жрать. Ну да бог с ними. Хватит и на них. Скучно только, что мешают работать»³. В этом фрагменте виден языковой и ментальный горизонт народного сознания.

Временная конкретность (от 6 июня до Петрова дня, т. е. до 12 июля) и дискретность (указание на точечное время, например обозначение вылета трутней «во втором часу дня») первой версии противоположна циклическому времени в версии рабочих пчёл. В истории улья, написанной рабочей пчелой, – это большое время, связанное с природной циклическостью (от пробуждения к засыпанию). Здесь выражается прецедентная картина мира, «круговорот жизни – смерти – жизни» [11, с. 226], «в рамках которого происходит только то, что и должно происходить» [12, с. 190].

Центральным эпизодом первой версии становится пародия на модель государственного устройства (внутренняя и внешняя политика; городская дума; судебная организация; учреждение Совета министров, чиновничество) и изображение абсурдных попыток реформирования высшего аппарата управления. В подтверждение процитируем дневник одного из главных

¹ Толстой Л.Н. Две различные истории улья с лубочной крышкой. С. 321.

² Там же. С. 321-322. Курсив в цитатах – Е.А.

³ Там же. С. 324.

деятели (слово доверено рассказчику): «Я избран единогласно учредителем правильного полета рабочих. Обязанность моя очень трудна и сложна, я понимаю всю ее важность и потому, не жалея своих сил, стараюсь наилучшим образом исполнить ее; но одному это слишком трудно и потому я пригласил себе в помощники А., тем более что двоюродный [брат] моей тетки просил меня поместить его. Так же я поступил и относительно Б. и Д. и Г. Им тоже нужны будут помощники, так что всех нас в нашем департаменте будет 36 или 38 человек. Я заявил в совете о том, что нам для нашей деятельности необходимо два сота с медом. Постановление об этом прошло единогласно, и мы тотчас вступили в исправление своих должностей, ночь же провели на сотах и ели мед. Мед вкусу недурного; но можно надеяться, что при правильной деятельности вкус его еще усовершенствуется, если мой проект будет принят. На другой день я в общем собрании изложил свой проект: Господа, сказал я, нам необходимо обдумать прежде все те мероприятия, при которых нам возможно будет выработать те начала, на которых мы можем составить проект программы наших действий. Мнения разделились. Дебе старший, председательствующий в совете, предложил голосование. Но вопрос о голосовании оказался недостаточно уясненным, и решено было избрать комиссию, предложив ей разработать вопрос о голосовании и представить к следующему заседанию»¹.

Завершается первая версия истории улья с лубочной крышкой бунтом пчёл, уничтожившим трутней: «Трутни худели, высыхали и помирали один за другим; ни один из них не унизился до работы для своего пропитания.

Пчелы что-то делали, гудели наверху на сотах, но, как говорят историки трутни, очевидно погибали в анархии, лишившись своих руководителей»².

¹ Толстой Л.Н. Две различные истории улья с лубочной крышкой. С. 323.

² Там же.

Нейтральная фраза первичного нарратора завершает описание первой версии: «Неповиновение пчел трутням погубило их. Они погибли. Этим кончалась история улья с лубочной крышкой, написанная трутнями»³.

Во второй версии истории улья с лубочной крышкой, написанной пчёлами, происходит разрушение «ненадёжной наррации» благодаря корректировке, прояснению происходящего и рассказываемого с различных точек зрения: «Вот что в то самое время, когда трутни думали, что управляют пчелами, писала одна пчела в своих записках»⁴.

Точка зрения первичного нарратора максимально приближена к позиции всеведущего автора в отличие от стилистически маркированных рассказчиков первой версии истории.

В этой версии также введены вторичные нарраторы, но их значительно меньше: «по описанию пчелиного историка», «записки одной пчелы». Причём в первой версии значительное количество источников только перечисляется, а во второй версии из них приводятся сведения (действительно существующие).

Отражена история целого года жизни улья, его основные этапы: образование и отлёт роя, основание нового поселения, рождение, полёт молодых цариц, вылет трутней, избиение трутней и возвращение к зимней спячке. В версии истории улья с точки зрения рабочих пчел очень много терминов и понятий, связанных с организацией жизни улья: леток, роение, перга, воск, детва, что свидетельствует об описании и оценке деятельности пчёл, близкой авторской.

Прецедентная картина мира второй версии оказывается неизбежной: «Так шло некоторое время, но требования внутренние стали более обильны, цвет кончился, остались одни репы, и, не сговариваясь, не решая ничего, пчелы одновременно все перестали пускать трутней к меду, стали сбивать

³ Там же.

⁴ Там же. С. 324.

их и даже подсекать дерзких и ненужных. Трутни все были уничтожены, но улей не только не погиб, но в самом цветущем состоянии приготовился к зиме. Наступила зима, пчелы затихли, сели на места, поддерживая тепло в детях, и дожидались опять весны и опять радости жизни»¹.

Первичный нарратор второй версии уничтожает весь пафос первой. Исходя из его точки зрения, выстраивается жизнеутверждающий финал и даётся авторская оценка событий.

Несмотря на выявленные художественные эксперименты, Л.Н. Толстой остаётся автором, представляющим монологический художественный мир. Приведём известное суждение М.М. Бахтина: «Мир Толстого монолитно монологичен; слово героя заключено в твердую оправу авторских слов о нем. В оболочке чужого (авторского) слова дано и последнее слово героя; самосознание героя – только момент его твердого образа и, в сущности, предопределено этим образом даже там, где тематически сознание переживает кризис и радикальнейший внутренний переворот («Хозяин и работник»)» [13, с. 53]. По определению Д. Слоуна, Толстой «не дает своим героям подлинной свободы, заставляя их подчиниться (и поступками, и словесно) непоколебимой, неоспоримой истине, которая известна автору заранее...» [14].

В итоге первичный нарратор высказывает излюбленные мысли автора на идеальную организацию жизни человеческого института (по модели пчелиного роя), на разумность, продуманность его устройства. Мечтает о сообществе людей, которое будет построено на законах любви, добра, правды и справедливости.

Наш нарратологический анализ позволяет провести жанровую идентификацию данного повествования, которое относится к протолитературному нарративу – притче. По словам

В.И. Тюпы, «Притча осваивает универсальные, архетипические ситуации общечеловеческой жизни и творит императивную картину мира, где герой – субъект этического выбора перед лицом некоего нравственного закона» [13, с. 96].

В рассказе «Две различные истории улья с лубочной крышкой» прочитывается евангельская притча о хозяине и работнике, реализованная во многих поздних произведениях Л.Н. Толстого, – например, «Хозяин и работник» (1895), «Алёша Горшок» (1905).

В тексте рассказа встречается указание: «И сам улей находился под покровительством самого деда Анисима»². В данном случае дед Анисим (Человек) для пчелиного улья выступает в роли Творца, как Бог выступает Творцом Природы и Человека. Основная идея притчи: как ради жизни пчелиного улья каждая пчела выполняет «свою» работу, заботясь об общем благе, так Человек должен отказаться от себя ради «другого».

Однако если для жанровой формы притчи характерна императивная картина мира, то в рассматриваемом тексте наблюдается трансформация – притча с прецедентной картиной мира. При этом – в первой версии доминирующим является этос (тип жизненной позиции) желаний, а во второй – долженствований. Читатель оказывается в ситуации ценностного выбора между представленными альтернативами: миры тружеников и аристократов, привыкших к праздности и тунеядству; индивидуализма («я» для себя) и альтруизма («я» для других). Ценностным вектором «роевой» жизни является долг, ответственность за «другого».

Таким образом, в ходе исследования мы приходим к следующим выводам. Для повествовательной техники рассказа-притчи «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» характерны: изменение притчевой

¹ Толстой Л.Н. Две различные истории улья с лубочной крышкой. С. 324.

² Там же. С. 321.

конструкции с императивной на прецедентную картину мира; вариативность/множественность точек зрения на изображенные события; различные нарративные стратегии для каждой из представленных версий; попытки разрушить монологическое повествование. Подобные приёмы направлены

на смещение акцентов в сторону воспринимającego сознания и повышение со-творческого участия реципиента. Вариативность истории станет одним из художественных принципов в текстах неклассической художественной парадигмы.

Список литературы

1. Николаева Е.В. Художественный мир Льва Толстого, 1880–1990-е годы. Москва: Флинта: Наука, 2000. 269 с.
2. Лещева В.А. Поэтика жанра притчи в творчестве Л.Н. Толстого 1880–90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 18 с.
3. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию: науч.-учеб. пособие для самостоят. исслед. работы. Москва: Intrada, 2016. 145 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Заключительные замечания // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). Москва: Языки славян. культуры, 2012. С. 341–503.
5. Жданова А.В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия: Гуманитарные науки и образование, 2009. № 2. С. 151–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-vozniknoveniya-literaturnogo-fenomena-nenadezhnoy-narratsii/viewer> (дата обращения: 11.08.2023).
6. Жиличева Г. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х годов): монография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2013. 317 с.
7. Ильичева М. Типология «ненадежного» нарратора // Миргород. 2020. № 1 (15). С. 47–70.
8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с фр. Н. Перцово́й. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–273.
9. Rimmon-Kenan Sh. Narrative Fiction: Contemporary Poetics. London: Routledge, 2002. 208 p.
10. Nünning A. Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches / J. Phelan and P.J. Rabinowitz (eds.) // A Companion to Narrative Theory. Oxford: Blackwell, 2005. P. 89–107.
11. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Москва: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. 800 с.
12. Тюпа В.И. Нарративные стратегии: Прецедентная // Горизонты исторической нарратологии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. С. 189–200.
13. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Рус. словарь, 2000. Т. 2. С. 6–175.
14. Слоун Д. В защиту неприятия Толстого Бахтиным: принцип высказанности [Электронный ресурс] / пер. с англ. А. Плисецкой. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/v-zashhitu-nepriyatiya-tolstogo-bahtinym-princzip-vyskazannosti.html> (дата обращения: 11.08.2023).
15. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. Москва: Intrada, 2013. 211 с.

Сведения об авторе:

Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета

ул. М. Горького 65/67, Самара, 443099
 abramovskikh@pogsga.ru

Дата поступления статьи: 22.08.2023
 Одобрено: 06.02.2024
 Дата публикации: 25.03.2024

Для цитирования:

Абрамовских Е.В. Специфика нарратива в творчестве позднего Л.Н. Толстого (на материале рассказа «Две различные истории улья с лубочной крышкой») // Сфера культуры. 2024. № 1 (15). С. 13–20. DOI: 10.48164/2713-301X_2024_15_13

УДК 821.161.1
 DOI: 10.48164/2713-301X_2024_15_13

E.V. Abramovskikh

Samara
 Samara State Social and Pedagogical University
 abramovskikh@pogsga.ru

THE SPECIFICS OF THE NARRATIVE IN THE L.N. TOLSTOY'S LATER WORKS (BASED ON THE STORY *TWO DIFFERENT STORIES OF A BEEHIVE WITH A BAST COVER*)

The narrative organization of the parable story *Two Different Stories of a Beehive with a Bast Cover*, written by L.N. Tolstoy in 1900, contains a number of artistic discoveries. The study undertaken by the author of this article reveals that the writer applied to such techniques as the use of "unreliable" narration and "unreliable" focalization; changing in the parable construction with the imperative picture of the world being replaced by a precedent one; variability/multiplicity of view-

points on the depicted events; different narrative strategies for each of the versions presented; attempts to destroy the monological narrative. Such techniques aim at shifting the emphasis towards perceiving consciousness in order to increase the co-creative participation of the recipient.

Keywords: narrative, unreliable narration, reference events, communicative event, point of view, parable.

References

1. Nikolaeva, E.V. (2000) *Xudozhestvenny`j mir L`va Tolstogo, 1880-1990-e gody`* [The Artistic World of Leo Tolstoy, 1880-1990s]. Moscow: Flint: Nauka. (In Russian).
2. Leshcheva, V.A. (2016) *Poe`tika zhanra pritchi v tvorchestve L.N. Tolstogo 1880 – 90-x godov: avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskix nauk* [Poetics of the Parable Genre in the Work of L.N. Tolstoy of the 1880-90s: abstract of PhD thesis in philology]. Moscow. (In Russian).

3. Tyupa, V.I. (2016) *Vvedenie v sravnitel'nyuyu narratologiyu: nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty* [Introduction to Comparative Narratology: a Scientific Textbook for Independent Research Work]. Moscow: Intrada. (In Russian).
4. Baxtin, M.M. (2012) *Formy vremeni i xronotopa v romane. Zaklyuchitel'ny'e zamechaniya* [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Final Remarks]. *Baxtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 tomov. Tom 3: Teoriya romana (1930 – 1961 gody)* [Bakhtin M.M. Collected Works: in 7 Vols. Vol. 3: Theory of the Novel (1930-1961)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 341-503. (In Russian).
5. Zhdanov, A.V. (2009) *K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoj narracii* [To the History of the Emergence of the Literary Phenomenon of Unreliable Narration]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. Seriya: Gumanitarnyye nauki i obrazovanie* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. Series: Humanities and Education], No. 2, 151-164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-vozniknoveniya-literaturnogo-fenomena-nenadezhnoy-narratsii/viewer> (Accessed: 11.08.2023). (In Russian).
6. Zhilicheva, G. (2013) *Narrativny'e strategii v zhanrovoy strukture romana (na materiale russkoj prozy 1920 – 1950-x godov): monografiya* [Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (Based on the Material of Russian Prose of the 1920s and 1950s): a Monograph]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian).
7. Il'icheva, M. (2020) *Tipologiya "nenadezhnogo" narratora* [Typology of an "Unreliable" Narrator]. *Mirgorod* [Mirgorod], No. 1 (15), 47-70. (In Russian).
8. Genette G. (1998) *Povestvovatel'ny'j diskurs* [Narrative Discourse]. *Genette G. Figury: v 2 tomov. Tom 2* Genette J. Figures: in 2 vols. Vol. 2. Transl. from French by N. Pertsova. Moscow: The Sabashnikovs Publishing House, 60-273. (In Russian).
9. Rimmon-Kenan, Sh. (2002) *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*. London: Routledge. (In English).
10. Nünning, A. (2005) *Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches. A Companion to Narrative Theory*. Oxford: Blackwell, 89-107. (In English).
11. Frejdenberg, O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literatura" Russian Academy of Sciences. (Research on Folklore and Mythology of the East). (In Russian).
12. Tyupa, V.I. (2021) *Narrativny'e strategii: Precedentnaya* [Narrative Strategies: Precedent]. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. Saint Petersburg: Aleteya, 189-200. (In Russian).
13. Baxtin, M.M. (2000) *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Creative Work]. *Baxtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 tomov*. [Bakhtin M.M. Collected Works: in 7 Vols]. Moscow: Russkiy slovar, Vol. 2, 6-175. (In Russian).
14. Sloun, D. *V zashhitu nepriyatiya Tolstogo Baxtiny'm: princip vy'skazannosti* [In Defense of Tolstoy's Rejection by Bakhtin: the Principle of Expression]. Transl. from English by A. Plisetskaya. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/v-zashhitu-nepriyatiya-tolstogo-bahtiny-m-princip-vyskazannosti.html> (Accessed: 11.08.2023). (In Russian).
15. Tyupa, V.I. (2013) *Diskurs* [Discourse]. *Zhanr* [Genre]. Moscow: Intrada. (In Russian).

About the author:

Elena V. Abramovskikh, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods of Samara State University of Social Sciences and Education

65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099
 abramovskikh@pgsga.ru